

А. А. Баркович

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В ЯЗЫКЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЫ

Лексика – самый подвижный языковой пласт, который весьма оперативно реагирует на перемены в общественной жизни, а лексика публицистики наиболее мобильна: она обогащается как новыми для литературного языка номинациями, так и лексическими единицами, ранее не принадлежавшими литературному языку.

Сегодня белорусский язык существует в двух орфографических вариантах – «тарашкевице» и «наркомовке», которые представлены в первую очередь в печатных изданиях. Но различия между этими вариантами белорусского языка не ограничиваются только орфографией: словарный состав печатных изданий различной политической ориентации также различен – и количественно, и качественно. Количественно – так как в официальной прессе значительно меньше новых слов, не зафиксированных в толковых словарях. Качественно – так как новации в изданиях, использующих «тарашкевицу», имеют ряд отличительных черт. В качестве примера мы исследовали неологизмы, которые встретились в «Нашай ніве» – популярной и типичной (в языковом смысле) оппозиционной газете.

В новообразованиях, присущих языку неофициальных изданий и проанализированных ниже, очевидна тенденция продемонстрировать оригинальность, максимально дистанцироваться в первую очередь от русского языка, во вторую – от языка государственных СМИ.

Как создается новая лексика современного белорусского языка? Какие приемы используются для привлечения читателя и создания имиджа народной белорусскоязычной газеты? Каков лексический механизм обеспечения ее белорусской специфики?

Можно назвать следующие пути пополнения лексики в «Нашай ніве».

1. Заимствования. Преимущественно это новейшие интернационализмы, например *гіт*, *гардкор*, *бэдж*, *кавэр*, *тамагочы* и др. Существует и иная разновидность заимствований: слова обозначают объекты, для

которых уже имеются соответствующие названия в литературном языке, – *кабэрац, пігулка* и др. Большинство таких единиц – полонизмы (см. польск. *kobierzec* ‘молитвенный коврик’, *piгулка* ‘пилюля, таблетка’). Можно с уверенностью предположить, что функция таких заимствований – дифференциация от общего русско-белорусского лексического фонда.

2. **Кальки-новообразования**, причем исключительно с русского языка: *Сотавая сувязь нібы мёдом намазаная – усе жадаюць падлучыцца. Падаткавікі захавваюць права рабіць асабісты надгляд грамадзянаў ды іх транспартных сродкаў падчас проверок.*

3. **Лексемы общего русско-белорусского фонда**, не зафиксированные в толковых словарях белорусского языка, т. е. номинации, которые одновременно возникают в обоих языках по причине схожих социолингвистических и собственно языковых характеристик, например *лабіраваць, лабіраваньне, мабільны, мабільнікі, сотавік, постсавецкі, унітарны*.

4. **Лексемы, созданные путем морфемной деривации**. Среди новообразований присутствуют сложения, большая часть которых создана в соответствии со словообразовательными моделями белорусского языка на базе стандартных основ (*галоўрэд, дзяржавастварэньне, кнігараспаўсюднік, культуратворчасць, маланкаадвод, матазылёт*). Причины, по которым они отсутствуют в толковых словарях, понятны: сложения в любом языке – это открытое множество, все они просто не могут быть зафиксированы. В состав таких слов могут входить и новые заимствования: *мэдыядрама* (первый корень – заимствование-интернационализм), *відэабум* (обе части – интернационализмы).

Часть новых сложений в альтернативной прессе воспринимается как нестандартная по причине замещения типичного, литературного соединения основ или слов сложением, основанным на новом сочетании уже существующих в языке основ или слов: *Усе гэтыя зрухі і эўрапейскія стандарты будуць дасягнуты толькі тады, калі мы будзем паўнаважаснымі грамадзянамі, якія паважаюць у сабе чалавечую і нацыянальную годнасць*. В приведенном примере сложение *паўнацэнны* заменено на новообразование *паўнаважасны*. Аналогичная ситуация и с *самаспазнаньнем* вместо *самопознание*, а также – *шматкроць* (= *шматразова*), где содержится известная белорусскому языку основа (см. *кратны*), но в ином акцентологическом варианте. Среди подобных сложений есть такие, где одна из составляющих — морфемный или семантический неологизм. Например, *падаткаплатнік* включает часть *платнік* вместо зафиксированной в словарях *плацельчык*, а *дзяржэзамова – замова* в значении ‘заказ’, в то время как в словарях данное слово трактуется только как ‘закливание’.

Морфемные дериваты, которые не являются сложениями, – большинство новообразований неофициальной печати. С помощью морфемной деривации созданы слова, которых нет в словарях, но сам факт использования такого способа значительно упрощает их распознавание: *Па-першае, ЗША маюць траўматычны досьвед прайгранай войны ў Карэі. Былого намесьніка галоўнага рэдактара часопісу «Мастацтва» неразлычылі цалкам у дзень звальненьня, і суд прызнаў ягоны пазоў справядлівым.*

Белорусские корни, белорусские аффиксы плюс авторское понимание языка – рецепт таких новообразований. В литературном языке вышеуказанным единицам соответствуют варианты: *досьвед* – *вопыт*, *пазоў* – *іск*, но, по мнению корреспондентов «Нашай нівы», ее читатели – образованные люди, разберутся, а задачу модификации языка, не лишая нас возможности его понимать, такая самодеятельность, в конечном счете, решает.

Наиболее распространены среди новых морфемных дериватов **суффиксальные**. В литературном языке им соответствуют другие суффиксальные образования. Таких новообразований настолько много, что тут даже можно выделить определённые устойчивые деривационные модели: 1) лит. *-ірава* – новое *-ава-*; 2) существительные типа *сумнеў* (лит. *сумненне*), *назоў* (лит. *назва*), *Супраціў* (лит. *Супраціўленне*); 3) аналогичная модель, распространенная сейчас, – слова типа *сцэнар*, *крытэр* и под.; 4) прилагательные с суффиксом *-ав-*: *ядравы*, *прэсавы*.

Наличествуют и своеобразные парадоксы суффиксации, когда в различных новообразованиях один и тот же корень подается по-разному: *Нясоладка прыйшлося б краіне, якую звалі на саюзыніцтве з Іракам. І Адамкусу не дапамаглі відавочныя посьпехі – запрашэньне Літвы ў NATO і Эўразьвяз.* Однако употребление некоторых слов, не вошедших в толковые словари, представляется абсолютно правомерным: *боства* (лит. *бажаство*), *Раство* (лит. – нет; только *коляды*). Достаточное распространение получили дериваты от заимствованных основ: *фальшаваанне*, *мурынскі* (польск. *turzun* ‘негр’), *зьлетаргізаваны*, *бэатыфікаваны*. Встречаются нестандартные топонимы и этнонимы – *Чачэнія*, *расейцы*.

О том, насколько глубоки корни тенденции к переработке наличного лексического материала, свидетельствует употребление ненормативных суффиксальных дериватов даже в составе таких, казалось бы, устоявшихся контекстов, как фразеологизмы: *Старэнькі гарадзкі стадыён, забудаваны калісьці на жыдоўскіх могілках, у гэтым сэзоне набіваецца бітма* (лит. *бітком* употребляется в составе выражения *бітком набіць* (*набіцца*)).

Примеров префиксально-суффиксальной деривации и префиксации меньше: *незадаўнены* (лит. *нядаўні*) *пастрыманьне* (лит. *стрыманне*).

Завершая рассмотрение новообразований в «Нашай ніве», нельзя не сказать о замеченных лексико-стилистических особенностях. Первое, что обращает на себя внимание, — это широкое использование самых разных сленговых единиц. Например, таких, которые имеют отношение к средствам связи, — в соответствующей по тематике статье: *Файны імідж ствараюць дыктоўныя **мабільнікі**, што пабліскаваюць храмаваным корпусам. Скажы мне, якую мэлёдыю грае твой **сотавік**, і я скажу табе, хто ты ёсць.* Выше мы уже отмечали, что такие слова целесообразно относить к общему русско-белорусскому лексическому фонду. Вводятся в публицистику и новые термины — *кавэр, трыб'ют* и под.

Таким образом, язык белорусской оппозиционной прессы в сравнении с белорусским литературным языком и, соответственно, с языком официальных изданий — явление достаточно экзотическое и «острое». Обусловлено это прежде всего социальной направленностью изданий: большинству употребленных новообразований все-таки соответствуют литературные варианты. Стремление завоевать и воспитать своего читателя, выработать и закрепить имидж народной белорусской и белорусскоязычной печати реализуется посредством использования универсальных механизмов пополнения лексики. Специфика и новизна здесь — в соотношении конкретных приемов, в предпочтении тех или иных путей и выборе ориентиров. Если новая лексика заимствуется, то предпочтение отдается заимствованиям из польского языка или непосредственно из английского, причем такие заимствования зачастую заменяют уже существующие лексемы, заимствованные ранее через русский язык, из русского языка или относящиеся к общему фонду. Если создается новая лексема, то она заменяет уже существующую, используя другой «строительный материал», но создается при этом, естественно, средствами морфемной деривации белорусского языка.

Таким образом, новая лексика белорусской публицистики не является чем-то абсолютно новым. Так же, как и языки соседних народов — русский и польский, — белорусский язык заимствует много англоязычных слов и пополняется интернационализмами, что является следствием интернационализации культуры. Так же, как и в литературном языке, используются типичные средства морфемной деривации и уже известные белорусскому языку корни. Новая лексика зачастую относится к общему русско-белорусскому фонду или создается посредством калькирования соответствующих русских слов, в чем проявляется несомненное культурно-языковое влияние России. Заимствование из польского языка отдельных слов и целых словообразовательных моделей также свидетельствует о том, что своеобразие языка есть результат уникальной комбинации ареальных контактов, обусловленной собственно языковыми, историко-социальными и культурными факторами.